

Джумагулова Айгуль Темерхановна

ВКЛАД СУЛТАНА МЕНГЛИ-ГИРЕЯ В ОРГАНИЗАЦИЮ АДМИНИСТРАТИВНОГО УПРАВЛЕНИЯ НОГАЙЦАМИ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО КАВКАЗА В ПЕРВОЙ ТРЕТИ XIX ВЕКА

В статье рассматривается деятельность генерал-майора Султана Менгли-Гирея в должности пристава ногайцев Калаусо-Саблинского и Бештово-Кумского приставства в период с 1803 по 1831 гг. Раскрываются его заслуги в административном управлении и хозяйственно-экономической деятельности, направленные на создание условий для роста благосостояния вверенных ему народов и их адаптацию к условиям жизни в Российской империи.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2014/12-2/12.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2014. № 12 (50): в 3-х ч. Ч. II. С. 51-55. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2014/12-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

УДК 94(470.6)«18»

Исторические науки и археология

В статье рассматривается деятельность генерал-майора Султана Менгли-Гирея в должности пристава ногайцев Калаусо-Саблинского и Бештово-Кумского приставства в период с 1803 по 1831 гг. Раскрываются его заслуги в административном управлении и хозяйственно-экономической деятельности, направленные на создание условий для роста благосостояния вверенных ему народов и их адаптацию к условиям жизни в Российской империи.

Ключевые слова и фразы: империя; кочевники; администрация; конфликт; пристав.

Джумагулова Айгуль Темерхановна

Северо-Кавказский федеральный университет (филиал) в г. Пятигорске
aigul-men@mail.ru

ВКЛАД СУЛТАНА МЕНГЛИ-ГИРЕЯ В ОРГАНИЗАЦИЮ АДМИНИСТРАТИВНОГО УПРАВЛЕНИЯ НОГАЙЦАМИ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО КАВКАЗА В ПЕРВОЙ ТРЕТИ XIX ВЕКА[©]

Генерал-майор Султан Менгли-Гирей – один из выдающихся деятелей ногайской феодальной знати, поступивший на российскую службу и внесший большой вклад в создание системы административного управления ногайцами Калаусо-Саблинского и Бештово-Кумского приставства. Интерес к этой личности и её деятельности неслучаен. Ревностная служба Менгли-Гирея ставилась в пример его соотечественникам и способствовала их приверженности России, тем самым обуславливая их адаптацию и приобщение к социально-экономическим и правовым нормам империи.

В феврале 1790 г. выходец из племени наврузов Султан Менгли-Гирей во время осады Анапы прибыл с 16 мурзами к генералу Ю. Б. Бабинову и изъявил своё желание перейти на жительство в пределы Российской империи. Своим умом и преданностью он обратил на себя внимание местных начальников и был вызван в Петербург, где ему пожаловали чин полковника и назначили жалование в 200 руб. 13 октября 1803 г. он был произведен в генерал-майоры с жалованием в 400 руб. «за храбрость, усердие и преданность России» [9, с. 275]. Его приверженность к империи давала добрый пример соотечественникам, и в 1803 г. по ходатайству Главнокомандующего Грузии генерала от инфантерии князя П. Д. Цицианова Султана Менгли-Гирея назначили приставом ногайских племен, кочующих по рекам Куме, Джемухе, Кишу, Суруклы, Сабле, Карамыку, Калаусу, Большим и Малым Янкулям и Горькой, в числе 3728 семейств (13039 душ) [8, с. 44-45; 9, с. 225, 275]. Интересно, что задолго до этого события его отец Арслан-Гирей также хотел начальствовать над ногайцами. С этой целью из-за Кубани он приехал в Георгиевск к командующему войсками на Линии генерал-лейтенанту графу Морхову и попросил об отводе земли около Георгиевска с предоставлением ему звания «сераскера» для управления ногайцами, живущими по р. Куме, г. Бештау, и абадзехами. Но указом императора Павла I от 23 июня 1799 г. ему отказали в таких широких полномочиях. Примечательно, что при желании его людей возвратиться за Кубань, оговаривалось: «то таковыя, яко гости противу воли их жить под его властью, от нас принуждаемы не будут» [8, с. 49].

Такой подход показывает, что с молодым поколением ногайских мурз российское правительство связывало надежды на приобщение кочевников к многонародной державе. Старая знать таким доверием не пользовалась. Как отмечает Б. В. Виноградов, данный шаг был «призван обеспечить уже не «пророссийскую ориентацию» ногайцев (временами зыбкую), а их действительное российское подданство» [10, с. 16]. Правительство имело целью не просто интегрировать феодальную знать, а постепенно срастить ее с властью и обществом [18].

Итак, высочайшим указом Александра I на имя князя П. Д. Цицианова от 13 февраля 1803 г. на должность пристава ногайцев Калаусо-Саблинского и Бештово-Кумского приставства был назначен генерал-майор Султан Менгли-Гирей, в непосредственной зависимости от главного на Линии начальника и главного пристава азиатских народов коллежского советника Макарова [2, № 22, с. 21, № 1983, с. 986].

Назначение Султана Менгли-Гирея начальником над ногайцами «было для них великим и желанным событием», а для администрации «большим политическим тактом» [8, с. 45]. Значение этой меры объясняется тем, что в первой четверти XIX в. Кавказская губерния переживала наиболее трудный период административного устройства – правительство постоянно искало пути и способы внедрения российского законодательства в инородческую среду. Предыдущие действия бывшего пристава губернского секретаря Корнилова, изблещенного «в отягощении непозволительными поборами и всякого рода мздоимствами» [2, № 1983, с. 985-986], лишь отвращала ногайцев от России и одновременно увеличивала их симпатии к туркам. «Изъемя несомнительныя выгоды, проистекающие от доверия и уважения сего народа к Султану Гирею, которого предки, закубанские сераскиры, имели его в своей зависимости, и которого князья и мурзы их письменно просили меня от имени всех Татар назначить главным начальником, я почитаю полезнейшим определять вообще в приставы людей почетных и известных, ибо от их поведения часто зависит как благосостояние подвластных нам иноплеменных народов, так и спокойствие на Линии», – отмечал в рапорте генерал от инфантерии П. Д. Цицианов [Там же, с. 986].

Правила поведения и обязанности нового пристава основывались на «Наставлении», данном Коллегией иностранных дел главному приставу Макарову, в котором оговаривалось: «Как предмет высочайшего утверждения вас к оным народам состоит вообще в том, чтобы доставить всем им в лице вашем посредника и ходатая в нуждах и делах относительно к здешнему правительству, от коего они, яко подданные Е. И. В., имеют право наравне с прочими Россиянами требовать нужной себе защиты и ограждения законами» [1, № 1072, с. 727-728]. Однако с некоторыми дополнениями:

«1) Иметь строгое надзирание над образом жизни и поведения подчиненных вам татар и буде есть еще у них остатки склонности к хищническому промыслу, то стараться отводить их от онаго добрыми советами, предупреждая наказание которое неминуемо за сим последует.

2) Привлекать их ласкою и ободрениями к заведению из подвижных селений по примеру Абадзинских татар и буде нужно будет на сие какое пособие от начальства, то возможное не откажется.

3) Стараться возродить в них охоту на службу Е. И. В. от которой они и теперь не отказываются и давать им исподоволь чувствовать, что буде они верностию своею и усердием от других татар отличаться и пожелают создать полк по примеру татар на Молочных водах живущих, то такое желание их будет приятно и угодно Е. И. В.; но сие замечается только для единственного вашего сведения, дабы пользоваться их преданностью и особенным к вам сего народа расположением, могли бы вы со временем, склонить их к добровольному на то согласию» [2, № 1989, с. 994].

На таких условиях генерал-майор Султан Менгли-Гирей принял в свое ведение ногайцев, выведенных из-за Кубани и кочующих около Бештовских гор, а также абазинцев. Он продолжал активно привлекать и выводить закубанских жителей на российскую сторону. Усилиями Султана Менгли-Гирея и ногайских владельцев Росланбека Мансурова, Росланбека Таганова, Бакши-Гирея и Азамат-Гирея в 1805 г. перешло из-за Кубани в пределы Российской империи 28 аулов каспулатовской фамилии (1494 семей), 14 аулов кипчаковской фамилии (486 семей) и 9 аулов мангитовской фамилии (642 семей). В 1810 г. владельцы Ахмед-Гирей и Бекмурза Мансуров с 6 аулами (402 семьи) [13, с. 134], кочевавшими за Кубанью по Урупу, также пожелали быть подвластными российскому престолу [4, № 1361, с. 888].

Во время экспедиции за р. Кубань зимой 1810 г. за проявленную храбрость и усердие на р. Шавкуче и при укрепленном ауле Султан-Хаджи были поощрены наградами ногайские владельцы: генерал-майор Султан Менгли-Гирей – удостоен ордера Святого Георгия 4 класса, его братья Азамат-Гирей и Максюд-Гирей произведены в майоры, Рослан-бек Таганов также произведен в майоры, а Эдиге Таганова – в капитаны (также он получил золотую медаль на Георгиевской ленте), Бекмурзу Суюнчукова произвели в поручики [Там же, № 1401, с. 910].

Весной 1811 г. Султан Менгли-Гирей докладывал Главнокомандующему Грузии и на Кавказской линии графу А. П. Тормасову, что его убеждениями перешли под российский протекторат ногайцы, находящиеся под властью Саламат-Гирея (его родного брата): мангиты, кипчаки и каспулатовцы, обитающие по р. Зеленчука и Урупа, а также наврузовцы, подвластные Батыр-мурзе, Батарше, Ниятцу и Януке, обитавшие по рекам Лабэ и Яман-су [Там же, № 1268, с. 838].

Генерал-майор Султан Менгли-Гирей 14 ноября 1811 г. представил начальству ведомость о числе ногайцев, состоящих в его ведении. Первая группа населяла Георгиевский, Александровский и Ставропольский уезды, т.е. проживала внутри охранной цепи. В ней выделялись следующие племена: каспулатовцы – 1660 семейств (6640 душ); наврузевцы – 450 семей (1800 душ); кыпчаки – 377 семей (1508 душ) и мангиты – 215 семейств (860 душ). Вторая группа населяла Ставропольский уезд вне охранной цепи, в ней выделялись: джембойлуковцы – 906 семейств (3624 душ); едисанцы – 227 семейств (908 душ) и едишкульцы – 114 (456 душ). Третья группа жила вне кордонной цепи по рекам Джигуте и Джиганагим. В нее входили абазинцы – 750 семей (3000 душ) и каспулатовцы – 420 семей (1680 душ). Они имели 9000 лошадей, 48 870 голов рогатого скота и 50 530 голов овец [8, с. 52].

Жители приставства под управлением Султана Менгли-Гирея становились вполне мирными подданными Российской империи. Он успешно занимался водворением и устройством своих подвластных, лично удостоверясь в наличии продуктов пропитания в аулах, кормов и зимовок для скота и т.д. Так, «во время поселения народов для приласкания некоторых позволялось выбирать им по удобности места, то многие расположились внутри кордона, даже и между российских поселян, так что пашни их и потребности были с русскими общинами» [17, д. 6200, л. 2-5]. Ногайцы активно включались в социально-экономическую жизнь губернии: занимались скотоводством, земледелием, пчеловодством, активно торговали домашними промыслами («отпущено в города Российские разного скота до 5 тыс. штук» [4, № 1425, с. 923]), дворовой птицей, помогали российским поселянам в уборке хлеба и сенокосении, по выгодным для казны ценам перевозили провиант для войск (10 тыс. чет. провианта, за которые получали по 2 коп. с четверти на версту [8, с. 51]), а также приняли на себя содержание почты в Кизляре. Помимо этого, ногайцы оказывали военную помощь, предоставляя отряды до 500 человек [3, № 1092, с. 633] передовым постам линейных казаков по охране «сухого» участка Кубанской линии от Баталпашинска до Пятигорья [13, с. 134-145]. Порой, правда, они наказывались за порубку леса, за прещенную лесным уставом [3, № 1092, с. 633]. Но генерал от инфантерии Я. И. Булгаков, предоставляя отчет генералу от кавалерии А. П. Тормасову, заступился за них, поясняя, что «ногайцы по истине заслуживают внимания, как по своей спокойной жизни, так и по преданности к службе к Высочайшему престолу... мурзы же сии в особенности приобретают уважение по усердию и верности Господину Императору» [4, № 1397, с. 909], и просил дозволения пользоваться лесами (для хозяйственных нужд) в умеренном количестве [Там же].

Отметим также, что усилиями Менгли-Гирея в Абазе был восстановлен духовный суд, судьями которого стали старшие ногайские мурзы, абазинские владельцы, эфендии и уздени [3, № 1084, с. 629]. Он также принял деятельное участие в налаживании меновой торговли на Кавказе, считая, что важным фактором для привлечения закубанских жителей к России является экономическое взаимодействие [4, № 75, с. 65; 13, с. 171-180]. Так, для залинейных ногайцев, в связи с их отдаленностью, был построен меновой двор при Баталпашинском poste [6, № 908, с. 523-524]. В 1806-1809 гг. во время распространения моровых болезней (чумы и холеры) на Кавказе Менгли-Гиреем предпринимались активные меры по ликвидации эпизоотий. Для этого в приставстве были введены карантинные, и выезд за границу приставства разрешался только по личному согласованию с Султаном [4, № 1402, с. 911].

Благодаря Султану Менгли-Гирею в приставстве сложились благоприятные условия для социально-экономического развития ногайцев и абазинцев. Конечно, не последнее место имела традиция покровительства феодальных фамилий своим подвластным. Но именно незаурядные качества его личности обусловили уважение и любовь народа.

Нужно заметить, что в первой четверти XIX в. на Кавказе остро стоял вопрос землевладения и землепользования. Двинувшись на Северный Кавказ задолго до учреждения Кавказской губернии казаки и крестьяне всё больше стесняли номадов. Конторы и межевые комиссии не были в состоянии водворить крестьян согласно установленным правилам, вследствие чего многие селения располагались беспорядочно и на кочевых территориях ногайцев [6, № 977, с. 596]. Постепенно проводилось изъятие пастбищных ногайских земель – сначала для казачьих военных линий, а затем для русских крестьян-поселенцев. Под изъятие обычно попадали земли, расположенные по берегам рек и озер [5, № 362, с. 306; 15, с. 275]. Помимо этого, в 1806 г. у бештовских ногайцев в пользу шотландских колонистов было отобрано 6 тыс. десятин земли. Но поселенцы постепенно захватывали всё больше территорий, злоупотребляя тем, что земли не разграничены. Стали возникать конфликтные ситуации, в которые в силу занимаемой должности оказался втянут Султан Менгли-Гирей [5, № 1027, с. 903-904]. Пытаясь разрядить ситуацию, главноуправляющий на Кавказе генерал-от-инфантерии Н. Ф. Ртищев предложил правительству произвести в Кавказской губернии генеральное размежевание земель и учредить для этого межевую контору [3, № 1073, с. 623]. Однако никаких действенных мер эта комиссия не предприняла [13, с. 171-195]. Традиционное пастбищно-кочевое хозяйство разрушалось, и в результате ногайцы лишались основного своего богатства – скота [15, с. 277]. Это вело к распространению воровства («наездничества»), компенсирующего недостаток традиционных материальных ресурсов [14, с. 31].

Султан Менгли-Гирей пользовался полным доверием правительства и имел огромное влияние не только на подвластных ему соплеменников, но и на закубанские народы. Об этом свидетельствует письмо абадзехских узденей Султан-бей Ханчукова, Шумаф Хитукова, Хаджи-бей Мисостова и Хаджи-али Анзаурова к генерал-майору Дальнице в марте 1814 г. В нем они уведомляли военачальников о беспорядках, производимых генерал-майором С. А. Портнягиным на Кавказской линии, и просили прислать к ним с ответом Султана Менгли-Гирея, «к которому народ имеет большую доверенность» [8, с. 53].

Поводом к этому письму были события 1813 г., имеющие особую историческую важность как для ногайцев, так и для российской администрации. В результате их Султана Менгли-Гирея отстранили от должности пристава, а ногайцы, подведомственные ему, ушли на турецкую сторону, за Кубань. Причины и последствия этого события изложены в «отношении Главнокомандующего Грузии генерала от инфантерии Н. Ф. Ртищева к генералу Горчакову» от 5 января 1814 г. [5, № 982, с. 855-861]. Для выяснения причин волнений между ногайцами, кабардинцами и абазинами на Кавказскую линию был командирован генерал-майор И. П. Дельпоццо. Его рапорт показывает всю картину происходящих событий на Кавказской линии. Оказалось, что они были спровоцированы турецким назырем Саид-Ахмед Эфендием, распространявшим слухи о том, что ногайцы и прочие магометанские народы, согласно Бухарестскому трактату (завершившему Русско-турецкую войну 1806-1812 гг.), уступлены Османской империи и безотлагательно должны быть выселены за Кубань. Оставшиеся же в территориальных пределах России будут приравнены к российским жителям (крестьянам) с уплатой рекрутов и других поборов [Там же, № 936, с. 800]. Введенные в заблуждение номады в числе 2 тыс. аулов (10 тыс. мужского пола) [8, с. 57] стали переправляться через Кубань, не встретив никакого препятствия со стороны российских военных (по данным З. Б. Кипкеевой, численность беглых ногайцев определяется в 27 тыс. человек) [13, с. 171-195]. Вызванные генерал-майором И. П. Дельпоццо сильнейшие владельцы – ногайский майор Хасай Калмамбетов, капитан Росланбек Таганов, абадзинский Давлет-Гирей Лоов и закубанский князь Мисостав Айтеков с узденями – подтвердили, что «народы им подведомственные недовольны Российским правительством за не обращение к ним ни малейшего внимания, что самые справедливейшие их просьбы оставляются начальством без последствий и что все притеснения, терпимые ими от воровства, делаемого у них казаками ни когда не удовлетворяются» [5, № 982, с. 857].

Генерал-майор С. А. Портнягин приписал просчётам Султана Менгли-Гирея «колеблемость», происшедшую между ногайцами, и отстранил его от должности пристава (причем, не имея на то полномочий, т.к. Султан Менгли-Гирей подчинялся и зависел от ведомства иностранной Коллегии, государственного канцлера и главнокомандующего Кавказским краем). Для ногайцев временная отставка пристава стала сигналом к бегству из России [13, с. 171-190]. Генерал-майор С. А. Портнягин самовольно предпринимал две «превентивные» экспедиции, несмотря на предписания императора, «чтобы войска не проходили за границу и отнюдь не вести войны с заграничными жителями, а держать себя в оборонительном положении» [8, с. 65], тем самым разрушив усилия Менгли-Гирея по мирному привлечению закубанских народов к России.

«Закубанцы теперь раздражены и имеют справедливую причину питать против нас мщение», – отмечал Н. Ф. Ртищев [5, № 982, с. 860]. Между тем, оставленный ногайцами разного рода скот на левой стороне Кубани, «простиравшийся почти до миллиона штук», был разграблен солдатами и казаками, «признанный как будто за неприятельскую добычу, нежели за потерю целого народа» [Там же].

По нашему мнению, истинные мотивы конфликта командующего Кавказской линией и ногайского пристава связаны с закубанским владельцем князем Лоовым, кровником Менгли-Гирея, которому С. А. Портнягин покровительствовал. Родной брат Менгли-Гирея Бахты-Гирей был убит закубанским владельцем князем Лоовым. Менгли-Гирей потребовал, чтобы с Лоовым поступили по всей строгости российских законов, так как убийство было произведено в территориальных пределах России. Но Лоов бежал к абазинам [13, с. 190-195], и сторонники Бахты-Гирея, лишившись возможности отомстить ему лично, перенесли кровавую канчу на весь абазинский народ, укрывший преступника. Абазинцы, боясь кровной мести номадов, обратились к российской администрации с просьбой забрать от них Лоова. Но комендант крепости Константиногорской полковник Курнатовский, будучи другом князя, напротив, потребовал от абазинцев повинности Лоову.

После поимки князя Лоова капитаном Росланбеком Тагановым ногайский мурза «вместо благодарности за свою услугу, пользовался, со стороны Портнягина обидным презрением» [16, с. 720]. Когда Лоов из Астрахани сбежал со своим охранником, Менгли-Гирей заподозрил в организации побега С. А. Портнягина. После всех этих событий недовольство покровителей Лоова – командующего Кавказской линией С. А. Портнягина и кордонного начальника полковника Курнатовского – обратилось на генерал-майора Султана Менгли-Гирея и капитана Росланбека Таганова. Ни одна из просьб, касавшихся ногайских владельцев и всего народа, не нашли удовлетворения у представителей местной власти. Вскоре Султана Менгли-Гирея вовсе удалили от должности пристава в самое критическое время, когда его присутствие среди ногайского народа, склонившегося к намерению бежать за границу, было наиболее нужно и полезно для администрации [5, № 982, с. 855-861]. Как подметил В. А. Потто, «это была действительно ошибка Портнягина» [16, с. 376].

Произошедшие события были поставлены в вину генералу, и он предстал перед военным судом. Султана Менгли-Гирея восстановили в должности, на которой он пробыл до 1822 г. Но последствия совершённого просчёта сказывались ещё долго. «Ногайцы, видя строгость, с какою их преследует Российское правительство, лишаясь всей надежды снискать себе прощение; а при том зная, что скот и их имущество, оставшееся в наших границах, расхищено, сколь ни раскаиваются теперь в своем безрассудстве, но опасаясь, сверх того, быть еще наказанными, не желают возвратиться на прежняя жилища, где бы они нашли одни следы своего разорения и грабительства» – отмечал Н. Ф. Ртищев [5, № 982, с. 860]. Все эти события вызвали чувство мести, от чего участились грабежи и нападения на приграничные поселения [8, с. 66].

Между тем, в 1816 г. на пост Главного управляющего был назначен А. П. Ермолов. Его реформаторская деятельность затронула и ногайцев. Здесь, как отмечает Ю. Ю. Клычников, для Ермолова были характерны два направления: 1) искоренение административных злоупотреблений, получивших широкое распространение; 2) полная реорганизация аппарата управления «с целью активного приобщения к Российской империи народов, населяющих этот край» [14, с. 159]. На основании ревизии 1818 г., А. П. Ермолов докладывал к графу В. П. Кочубею, что «караногайцы и другие мухаммедане, не должны быть оставлены в настоящем их положении, ибо народ сей донныне был разделен на две части, из коих одна состоит под управлением ген.-м. Султан-Менгли-Гирея, а другая Главного караногайского пристава, не имеет в руководство свое никаких постоянных правил, чрез что как в отправлении повинности терпит одна часть против другой чрезмерное отягощение, так и в отношении управления ими происходят большие несообразности и беспорядки, а нередко и самые злоупотребления... В отвращении чего с моей стороны признаю необходимым, соединить обе части под одно начальство...» [6, № 979, с. 611].

Это предложение нового главнокомандующего было признано разумным. Последовало высочайшее повеление Александра I от 24 июля 1822 г.: управление над ногайцами соединить в лице одного главного пристава (по его выбору), определить к ногайцам и туркменам необходимое число частных приставов, надзор за повинностями, возложенными на ногайцев, передать областному начальнику при содействии главного пристава [Там же, № 908, с. 523-524]. В этой связи предполагалось сложить все обязанности с Султана Менгли-Гирея, установить сверх получаемой им пенсии выплаты 4800 руб. ежегодно и выделить в вечное потомственное владение 5 тыс. десятин, на землях каких он пожелает [Там же, № 979, с. 612]. Сначала Менгли-Гирей обозначил земли от устья Барсуклы до Кумы, на которых кочевали и жили его подвластные, но затем, видимо, под нажимом властей назвал земли «по обе стороны Кумы» [11, д. 93, л. 1-4]. Департамент Государственных имуществ на основании указа от 28 сентября 1826 г. № 2453 утвердил во владения Менгли-Гирея территорию площадью 6080 десятин. Однако для заселения и хозяйственного освоения годились из них 2887 десятин [12]. Под управлением Менгли-Гирея оставили «бештакумских» ногайцев, кочевавших и живших оседло по Куме, Сабле, Калаусу, Большому и Малому Янкулям (его владельческий наврузовский аул). Из подчинения Султана вывели все абазинские аулы, аргументируя это тем, что они стали прибежищами для закубанских жителей, производивших набеги на приграничные поселения [13, с. 195-208].

Но вскоре А. П. Ермолов потребовал юридического оформления земель Султана, основываясь на праве частной собственности. Это ставило ногайцев перед выбором: остаться в подданстве Менгли-Гирея в качестве крепостных или же быть «свободными» на государственной (переходящей в разряд «казённой») земле [Там же]. Рассматривались также проекты перевода ногайцев в казачье сословие. Но из-за ощутимой выгоды от перевозки продовольственных и военных запасов, которая преимущественно лежала на ногайцах, решили

не торопиться. По данным И. В. Бентковского, в управлении Менгли-Гирея осталось 1026 ногайских семей (4105 душ) [8, с. 67]. Как интересно подметил В. А. Потто, Ермолову удалось уничтожить «политическое значение знаменитого некогда султана» [16, с. 376].

Султан Менгли-Гирей умер в 1831 г. от холеры, распространившейся в его приставстве, оставив двух сыновей Султанов – майора Тохтамыш-Гирея и штаб-ротмистра Джанибек-Гирея [7, № 169, с. 228; 8, с. 67].

Подводя итог, отметим, что генерал-майор Султан Менгли-Гирей, безусловно, был личностью выдающейся, яркой и самобытной. Его ум, авторитет и талант администратора приводили в покорность закубанских жителей и являлись лучшей гарантией спокойствия по обе стороны Кавказской линии. Хозяйственно-экономическая деятельность Менгли-Гирея была направлена на развитие скотоводства, земледелия и торговли и имела целью улучшение экономического благосостояния подведомственных ему народов. Она выступала важным инструментом для мирного привлечения закубанских жителей на российскую сторону. За заслуги перед империей ему даровали земли и формально не отстраняли от должности пристава до конца жизни. Такой подход явно показывает, что власти отдавали должное заслугам генерал-майора Султана Менгли-Гирея перед Российским государством. Предпринимаемые им шаги шли на благо ногайского народа, который в рассматриваемый период переживал непростой, но исторически перспективный этап вхождения в состав империи, что имело для него благотворные последствия.

Список литературы

1. **Акты Кавказской археографической комиссии (АКАК).** Тифлис: Типография Главного Управления Наместника Кавказского, 1866. Т. 1. 816 с.
2. **АКАК.** Тифлис: Типография Главного Управления Наместника Кавказского, 1868. Т. 2. 1238 с.
3. **АКАК.** Тифлис: Типография Главного Управления Наместника Кавказского, 1869. Т. 3. 760 с.
4. **АКАК.** Тифлис: Типография Главного Управления Наместника Кавказского, 1870. Т. 4. 1011 с.
5. **АКАК.** Тифлис: Типография Главного Управления Наместника Кавказского, 1873. Т. 5. 1170 с.
6. **АКАК.** Тифлис: Типография Главного Управления Наместника Кавказского, 1875. Т. 6. Ч. 2. 950 с.
7. **АКАК.** Тифлис: Типография Главного Управления Наместника Кавказского, 1878. Т. 7. 994 с.
8. **Бентковский И. В.** Историко-статистическое обозрение инородцев-магометан, кочующих в Ставропольской губернии. Ногайцы. Ставрополь: Типография Губернаторского Правления, 1888. Ч. 1. 134 с.
9. **Бутков П. Г.** Материалы для новой истории Кавказа с 1722-го по 1803 год. Извлечения. Нальчик, 2001. 356 с.
10. **Виноградов Б. В.** Очерки этнополитической ситуации на Северном Кавказе в 1783-1816 гг. Краснодар – Армавир, 2004. 91 с.
11. **Государственный архив Ставропольского края.** Ф. 79. Оп. 1.
12. **Гриценко В. Б.** История Земли Минераловодской: к 120-летию города Минеральные Воды. Минеральные Воды: Кавказская здравница, 1998. 510 с.
13. **Кипкеева З. Б.** Северный Кавказ в Российской империи: народы, миграции, территории. Ставрополь: СГУ, 2008. 432 с.
14. **Клычников Ю. Ю.** Деятельность А. П. Ермолова на Северном Кавказе (1816-1827): дисс. ... к.и.н. Армавир, 1998. 260 с.
15. **Нахаева И. Б.** «Привлечение» кочевников к оседлости как один из факторов изменения традиционного уклада жизни номада в XIX – начале XX в. // Запад – Россия – Кавказ: научно-теоретический альманах. Ставрополь: ПГЛУ, 2005. Вып. 3. С. 274-283.
16. **Потто В. А.** Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях: в 5-ти т. Ставрополь, 1887. Т. 2. От древнейших времен до Ермолова. 821 с.
17. **Российский государственный военно-исторический архив.** Ф. ВУА.
18. **Шебзухова Ф. Х., Мальцев В. Н.** Северо-Западный Кавказ в составе Российской империи: от военного покорения к поиску путей интеграции и осуществления аграрных преобразований // Вестник Адыгейского государственного университета. 2012. Серия 1. Регионоведение. Вып. 2. С. 81-88.

CONTRIBUTION OF SULTAN MENGLI-GIREI IN ADMINISTERING THE NOGAIS OF NORTH-WESTERN CAUCASUS IN THE FIRST THIRD OF THE XIX CENTURY

Dzhumagulova Aigul' Temerkhanovna
North-Caucasus Federal University (Branch) in Pyatigorsk
aigul-men@mail.ru

The article examines the activity of the major-general Sultan Mengli-Girei in the capacity of the police superintendent of the Nogais of Kalauso-Sablinskoe and Beshtovo-Kumskoe governorates in the period of 1803-1831. The paper describes his services in administering and business activity aimed at creating conditions for the growth of the welfare of people entrusted to him and their adaptation to life conditions in the Russian Empire.

Key words and phrases: empire; nomads; administration; conflict; police superintendent.